

ИЗВѢСТІА ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

Выходить четыре раза въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна: съ приложеніемъ журнала „Православный Собесѣдникъ“— для епархіальныхъ подписчиковъ 8 р. въ годъ, для не-епархіальныхъ—10 р. Безъ приложенія журнала „Православный Собесѣдникъ“—для не-епархіальныхъ подписчиковъ—5 р.

Адресъ редакціи: Казань. Духовная академія.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВЫСОЧАЙШАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Государь Императоръ на представленіяхъ Господиномъ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода коніяхъ съ телеграммъ: а) священника Воскресенской церкви села Алексѣевского, Лаишевскаго уѣзда, Николая *Иванова* и сельскаго старосты Федора *Самсонова* и б) священника Казанско-Богородицкой церкви села Балахчина, Лаишевскаго же уѣзда, Петра *Сивенкова*, сельскаго старосты Потапа *Похабнева* и др., отъ 22 и 28 февраля сего года, съ выраженіемъ вѣрно-подданическихъ чувствъ причтовъ и прихожанъ названныхъ церквей по поводу внутреннихъ смуть въ Россіи, благоизволилъ, въ 8-й день минувшаго апрѣля, Собственноручно начертать „Искренно благодарю“.

**Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА
Всероссійскаго, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.
О прекращеніи отпуска учебныхъ книгъ на счетъ духовно-
учебнаго капитала въ духовныя училища.**

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложе-
ніе Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 24 февраля
1905 года за № 5608, по дѣлу о прекращеніи отпуска учеб-
никовъ и учебныхъ пособій на счетъ духовно-учебнаго капи-
тала въ духовныя училища. **Приказали:** Въ виду того,
что содержаніе мужскихъ духовныхъ училищъ, за исключе-
ніемъ личнаго состава служащихъ въ нихъ, должно быть
относимо на мѣстныя средства, которыя нынѣ, съ устрой-
ствомъ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ, значительно уве-
личились, а также въ видахъ сокращенія расходовъ изъ
Синодальныхъ средствъ на духовно-учебную часть, Святѣй-
шій Синодъ, согласно заключенію Хозяйственнаго Управле-
нія, опредѣляетъ: прекратить съ будущаго 1906 г. отпускъ
учебниковъ и учебныхъ пособій на счетъ духовно-учебнаго
капитала во всѣ мужскія училища, за исключеніемъ Благо-
вѣщенскаго, Варшавскаго, Рижскаго, Холмскаго и Якутскаго,
въ коихъ установлены казеннокоштные вакансіи для учени-
ковъ на счетъ означеннаго капитала; о чемъ и послать
Епархіальнымъ Преосвященнымъ, для надлежащихъ съ ихъ
стороны распоряженій, печатные циркулярные указы. Марта
30 дня 1905 года.

Подлинный указъ подписали:
Оберъ-Секретарь В. Самуиловъ.
Секретарь П. Смердыньскій.

На подлинномъ указѣ резолюція Его Высокопреосвя-
щенства отъ 29 апр. 1905 г. за № 1614: „*Черезъ семинарское
Правленіе разослать въ Правленія духов. мужск. училищъ
Казанской епархіи къ свѣдѣнію и надлежащимъ распоряже-
ніямъ (сообщить 1 экз. въ редакцію Казанскихъ Епарх.
Извѣстій для напечатанія)*“.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Перемѣщенный изъ Царевококшайскаго собора въ село Тавели, Мамадышскаго уѣзда священникъ *Петровъ* назначенъ въ с. Ронгу, Царевококшайскаго уѣзда, 3 мая.

Скончавшіеся.

Умеръ діаконъ села Малаго Сундыря, Козмодемьянскаго уѣзда, *Ласточкинъ* 19 апрѣля.

Свободныя мѣста.

Священническія. При Каѳедральномъ соборѣ, при Кошлоушскомъ Александринскомъ монастырѣ, Вершино-сумскомъ Введенскомъ монастырѣ; въ селахъ съ русскимъ населеніемъ: Флоровѣ-Ясаѣ, Тетюшскаго у.; съ чувашскимъ населеніемъ: Балдаевѣ и Оточевѣ (двѣ вакансіи) Ядринскаго у.; Кошкахъ, Карамышевѣ, Чебоксарскаго у.; Ново-Чурашевѣ, Цивильскаго у.; Аврамовѣ, Козмодемьянскаго у.; Чувашскомъ Бурнаевѣ, Спасскаго у.; Чуратчиковѣ и Хормалахъ, Цивильскаго у.; съ смѣшаннымъ населеніемъ: Утяшкинѣ, Чистопольскаго у. (рус. и тат.); Старомъ Ильмовѣ, Чистопольскаго у. (рус. и чув.); Азановѣ, Царевококшайскаго у. (рус. и черем.), Николаевкѣ, Чистопольскаго у. (рус., чув. и морд.); Тавеляхъ, Мамадышскаго уѣзда (рус. и черем.).

Діаконскія. При Каѳедральномъ соборѣ; Евдовинской г. Казани церкви; въ селахъ съ черемисскимъ населеніемъ: Уньжѣ и Сотнуряхъ, Царевококшайскаго уѣзда; Мордовскихъ Юрткуляхъ, Спасскаго уѣзда (обрус. мордва) и М. Сундырѣ, Козмодемьянскаго уѣзда (рус. и черемис.).

Псаломщическія: При Успенскомъ г. Казани соборѣ; при Цивильскомъ женскомъ монастырѣ; въ селѣ Аврамовѣ, Козмодемьянскаго уѣзда.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

НАЧАЛО ЗЛА ВЪ МІРѢ.

Сущность грѣхопаденія. Богъ не виновникъ зла¹⁾.

Если мы прочтемъ въ Библии только повѣствованіе о созданіи человѣка, мужа и жены, то существованіе современнаго человѣчества и его настоящая жизнь станутъ для насъ еще болѣе загадочными, чѣмъ были прежде, до этого чтенія. Мы прочтемъ, вѣдь, только, что человѣкъ былъ созданъ безболѣзненнымъ, чуждымъ грѣха и порока, и что ему предназначалась блаженная жизнь въ тѣсномъ общеніи съ Богомъ. Откуда же та масса горя, бѣдствій, страданій, которая широкой полосой протянулась отъ одного конца земли до другого, зачѣмъ идетъ по землѣ отъ „начала созданія“ сплошной „стонъ человѣческихъ узниковъ“, томящихся на землѣ, какъ въ знойной пустынѣ (Псал. 101, 21), какъ это случилось такъ, что чудный нерукотворный храмъ Божества обратился въ царство скорби и зла, откуда двойственность въ самой природѣ человѣка, откуда произошло то, что изъ сердца человѣка исходятъ помысленія злая, прелюбодѣянія, татбы, хулы и т. п. Зло въ мірѣ такъ очевидно, что этого не нужно даже доказывать. Міръ проникнутъ грѣхомъ въ самыхъ основныхъ законахъ органической жизни, представляющей собою себялюбивую борьбу за существованіе, въ теперешнемъ устройствѣ нашего похотливаго тѣла и мстительной гордой души, въ исторіи человѣческихъ обществъ и даже въ устройствѣ семействъ: вездѣ себялюбіе, похоть и гордость. „Вся, яже въ мірѣ, похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская“. Всмотритесь попристальнѣе въ самого

¹⁾ Предлагаемая статья составлена, главнымъ образомъ, на основаніи изслѣдованій профф. М. М. Тарѣева и В. И. Несмѣлова.

человѣка и вы сразу замѣтите въ немъ душевный разладъ, дисгармонію. Уже внѣшній обликъ его часто носить на себѣ вмѣстѣ съ красотой и величіемъ отпечатокъ чего-то низшаго, животнаго, чувственнаго, и самыя черты лица его не всегда бывають симпатичны и правильны, но еще болѣе эта двойственность, эта дисгармонія его существа открывается въ его духѣ; его духъ стремится къ добру и ко злу, и изъ борьбы между этими двумя противоположными стремленіями слагается почти вся жизнь людей, искренно стремящихся стать непремѣнно лучшими. Сознательное чувство разложенія жизни причиняетъ страданіе. Люди всегда мучались и теперь мучаются, испытывая постоянно глубокой разладъ во всемъ своемъ существѣ, во всѣхъ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Каждый знаетъ, какъ рѣдки минуты мира и высоты настроенія, какъ жестоко рвутъ его въ разныя стороны темныя влеченія, какъ даже въ мгновенія высокой духовной гармоніи звучать перѣдко ноты грязныхъ и низкихъ поползновеній. Наша воля, наше душевное содержаніе принимаетъ совершенно противоразумныя, недолжныя формы; повинуваясь темнымъ стихійнымъ вліяніямъ, мы одно желаніе, одинъ фактъ приращаемъ къ другому, съ которымъ онъ не долженъ бы соединяться, полезные и сами по себѣ естественно-добрыя позы нашей природы мы превращаемъ въ страсти. Любя добро, мы подчиняемся злу, стремясь разумомъ къ добродѣтели, мы сердцемъ отдаемся пороку. Миѣ о Геркулесѣ, встрѣтившемъ на своемъ жизненномъ пути богатую порочность и бѣдную добродѣтель и остановившемся въ раздумьи, за кѣмъ ему слѣдовать, находить себѣ постоянное подтвержденіе въ жизни слабого и грѣшнаго человѣчества. Откуда-же явилась такая двойственность, такой разладъ ума и воли, если Богъ „сотворилъ человѣка праваго“? Если міръ и человѣкъ, по своему происхожденію и назначенію, дѣйствительно есть Откровеніе Бога—Премудраго и Всомогущаго Зиждителя нравственнаго міропорядка, если Онъ создалъ міръ единственно по побужденіямъ Своей безконечной любви и благодати, которая всегда стремится къ самосообщенію и сообщенію обладаемаго ею другимъ, если, стало быть, Онъ не только причина міра, но и его цѣль—и міръ не только созданъ имъ, но и долженъ воплотить въ себѣ Его совершенство или, по библейскому выраженію, славу

Его, то почему-же на самомъ дѣлѣ онъ не является Его откровеніемъ въ духовно-творческомъ развитіи своей дѣятельности? Созердая эту странную двойственность въ существѣ человѣка, о которой мы только-что говорили, не естественнѣе-ли и неразумнѣе-ли будетъ придти въ заключенію, что не добру и злу человѣкъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, а равнодушной природѣ, чуждой нравственныхъ цѣлей и нетрогающейся ни страданіемъ, ни счастьемъ своихъ созданій. Нашъ разумъ, однако, рѣшительно возстаетъ противъ этого: онъ требуетъ разумности и цѣлесообразности бытія и не можетъ видѣть въ существующемъ только бессмысленный механический процессъ, не имѣющій ни конца, ни цѣли, хотя, съ другой стороны, онъ видитъ въ жизни человѣческой явленія, смыслъ которыхъ темень и доброе значеніе недопустимо. Кто-же и что объяснить намъ человѣка и его современное состояніе? Первозданный Адамъ не объясняетъ его.

Для объясненія намъ должно продолжить чтеніе священнаго текста. Оказывается, что колыбель современнаго грѣшнаго человѣчества нужно искать не въ Едемѣ, а въѣ его. Первозданный человѣкъ былъ надѣленъ многими прекрасными дарами и между ними свободой, которую для собственного счастья долженъ бы былъ принести въ жертву Богу, но человѣкъ подъ вліяніемъ злой посторонней силы произвольно далъ своей свободѣ другое превратное направленіе и нарушилъ волю Божию о себѣ. Это нарушеніе имѣло своимъ послѣдствіемъ изгнаніе его изъ рая и сдѣлалось для него источникомъ всевозможныхъ бѣдствій, нравственныхъ и физическихъ страданій. Отъ этого-то человѣка, или отъ этой-то пары людей, изгнанной изъ Эдема для искупительнаго страданія, и произошло человѣчество, а не отъ тѣхъ первозданныхъ чистыхъ людей, которые вошли въ Едемъ для блаженства.

Постараемся-же теперь дать себѣ отчетъ въ томъ событіи, которое сообщило это новое, грустное теченіе вещамъ и опредѣлило собою такъ печально дальнѣйшую судьбу человѣчества. Бытописатель просто рассказываетъ эту исторію. Повѣствованіе о происхожденіи грѣха начинается съ указанія на „объективную“ заповѣдь, данную въ раю первымъ людямъ: „и взялъ Господь Богъ человѣка, котораго создалъ, и посе-

лилъ его въ саду Едемскомъ, чтобы возлѣбывать его и хранить его. И заповѣдалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть, а отъ древа познанія добра и зла—не ѣшь отъ него, ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертию умрешь“. Затѣмъ, послѣ краткаго замѣчанія о твореніи жены, о нареченіи Адамомъ именъ животнымъ и о невинномъ состояніи первой четы, Моисей излагаетъ и самый фактъ грѣхопаденія, выдвигая здѣсь прежде всего на видъ виновника этого факта—змѣя искушителя: „змѣй былъ хитрѣе всѣхъ звѣрей полевыхъ, которыхъ создалъ Господь“. Далѣе излагается диалогъ между змѣею и женою, окончившійся совершеннымъ склоненіемъ въ сторону грѣха не только Евы, но и Адама: „и сказалъ змѣй женѣ, подлинно-ли сказалъ Богъ: не ѣшьте ни отъ какого дерева въ раю? И сказала жена змію: плоды съ дерева мы можемъ ѣсть, только плодовъ дерева, которое среди рая, сказалъ Богъ, не ѣшьте ихъ и не прикасайтесь къ нимъ, чтобы вамъ не умереть“. „И сказалъ змѣй женѣ: „нѣтъ не умрете, но знаетъ Богъ, что въ день, который вы вкусите ихъ, откроются глаза ваши и вы будете, какъ Боги, знающіе добро и зло. И увидѣла жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно пріятно для глазъ и вожелѣнно, потому что дастъ знаніе, и взяла плодовъ его и ѣла, и дала также мужу своему и онъ ѣлъ. И открылись глаза у нихъ обоихъ и узнали они, что наги, и сшили смоковныя листья и сдѣлали себѣ опоясанія“. Вотъ короткое повѣствованіе Моисея. Обыкновенно, оно подвергается невѣрующими осмѣянію и разсматривается, какъ сказка, лишенная даже смысла; особенно представляется для невѣрующихъ страннымъ несоотвѣтствіе между незначительностью заповѣди и громадными послѣдствіями отъ ея нарушенія, которыя, говорятъ, никакъ не могли произойти вслѣдствіе того, что первые люди съѣли тамъ какое-то яблоко. Такое легкомысленное отношеніе къ глубоко-содержательному библейскому разсказу о началѣ грѣха можетъ быть объяснено единственно только непониманіемъ смысла и значенія искушенія заповѣдью.

Постараемся раскрыть смыслъ и значеніе искушенія, начавъ нѣсколько издалека. Цѣлю сотворенія міра и человѣка было отображеніе Божества на землѣ. Какъ образъ Божій и подобіе Божіе человѣкъ уже по самому творенію носить

въ своемъ духѣ божественное дыханіе и соучаствуетъ въ божественной жизни, по скольку его духъ одѣленъ безконечными стремленіями ко всевѣднію, всемогуществу, святости, справедливости всеблаженству, вседовольству и силою для осуществленія этихъ стремленій. Со дня сотворенія человѣкъ былъ образомъ Божиимъ и онъ сознавалъ себя причастнымъ жизни божественной. И это *сознаніе* не только было фактомъ его внутренней жизни, но и должно было составлять основу его внутренней жизни—въ истинномъ смыслѣ этого слова. Тварь создана изъ ничего, ничтожество—ся собственная природа и только въ Богѣ—источникъ ея жизни, развитія. Человѣкъ долженъ былъ жить сознаніемъ, что какъ-бы ни были богаты его силы и средства, какъ-бы ни было заманчиво и, повидимому, прочно его самостоятельное бытіе,—въ себѣ самомъ и посредствомъ своихъ только силъ человѣкъ никогда не найдетъ той вѣчной жизни, къ которой призывалъ его Богъ, что эта жизнь только въ Богѣ и въ общеніи съ нимъ. Другими словами, чтобы это общеніе съ Божествомъ совершилось не слѣпо-покорно, а свободно разумно, человѣкъ долженъ былъ примириться съ своей ограниченностью, опознать себя въ своемъ ничтожествѣ—при своей исключительности, а Божество въ его неограниченномъ совершенствѣ. Разумныя основанія этой необходимости для человѣка—опознать себя въ своей противоположности Божеству—заключались въ томъ, что такое познаніе должно было еще болѣе породить въ немъ стремленіе къ безконечному идеалу, съ другой, оживить и возвысить любовь Божию въ глазахъ человѣка; отсюда онъ могъ постигнуть, что только любовь и одна только она могла заставить Бога излить столько благодѣяній на человѣка, потому-что нуждается не Богъ въ человѣкѣ, а человѣкъ въ Богѣ. Райская заповѣдь, данная человѣку, запрещавшая вкушать плоды одного только дерева, при дозволенности всей остальной безконечно-разнообразной и богатой райской растительности, при своей незначительности, и именно *благодаря незначительности* своего запрещенія, слишкомъ легкаго для исполненія невинно-чистаго райскаго человѣка, всѣ потребности котораго удовлетворялись нормальнымъ образомъ, какъ нельзя болѣе ясно говорила человѣку о его собственномъ ничтожествѣ, о необходимости опеки надъ нимъ, говорила о томъ, что только въ Богѣ источникъ

его славы, величія. Какъ какой нибудь щедрый Господинъ, говорить св. Іоаннъ, Златоустъ, ввѣряетъ кому нибудь свой огромный домъ и, однакожь, чтобы владѣніе этимъ домомъ оставить вполнѣ за собою, назначаетъ братъ съ того человѣка малое количество денегъ, такъ и человѣколюбивый Господь нашъ позволилъ Аламу пользоваться всѣми древами райскими, но велѣлъ воздерживаться только отъ одного, чтобы зналъ онъ, что находится „подъ Господомъ“, Кому долженъ повиноваться и исполнять Его заповѣди, т. е. чтобы понималъ, что истинная его жизнь не въ самоволіи и ложной самостоятельности, а „подъ Господомъ“ въ общеніи съ Богомъ и въ послушаніи Его руководству. Такимъ образомъ, заповѣдь приводила человѣка къ а) признанію своей зависимости отъ Бога, а отсюда б) къ сознанію безграничной любви Божіей и в) къ положенію Центра своего бытія не въ себѣ, а въ Богѣ, — приводила къ самоотреченію изъ любви къ Богу. Но чѣмъ необходимѣе было подобное самоотреченіе въ собственныхъ интересахъ самого человѣка и для возможности чистаго и искренно благоговѣйнаго служенія Богу „вѣрою и любовію“, чѣмъ сильнѣе подчеркивалъ для Адама сознанный запретъ заповѣди его собственное ничтожество и его ограниченность, тѣмъ стѣснительнѣе, больнѣе сознавалась имъ данная ограниченность въ виду уже проявленнаго въ немъ образа и подобія Божія, и чѣмъ дороже было для него уже бывшее въ немъ божественное достоинство, уже проявившаяся въ немъ божественная слава, отъ которой, какъ отъ своей онъ долженъ былъ отречься во имя Божіе, чѣмъ ближе и непосредственнѣе было его отношеніе къ Богу, чѣмъ выше его положеніе въ природѣ, тѣмъ сильнѣе и естественнѣе было въ немъ желаніе жизни безусловной, неограниченной. Такимъ образомъ, нравственная возможность эгоизма уже крылась въ духѣ человѣка и искустельное предложеніе обольстителя; „будете, какъ боги“ не могло быть чѣмъ-нибудь совершенно противоположнымъ его духовной природѣ и, слѣдовательно, насильно вторгшимся въ его сознаніе по волѣ болѣе сильнаго существа. Діаволь не можетъ внушать человѣку мыслей совершенно новыхъ: это было бы механическимъ насиліемъ надъ нравственною жизнію человѣка. Его искушенія всегда примыкаютъ къ наличной дѣйствительности. А въ духѣ человѣка, повторяемъ, уже

было заложено стремленіе къ богоподобію, къ превращенію своихъ человѣческихъ совершенствъ въ богоподобныя свойства, своихъ тварныхъ отношеній къ Богу въ отношенія духовнаго сыновства. На этой-то почвѣ диаволь и построилъ свое искушеніе, извративъ предъ человѣкомъ дѣйствительное значеніе его положенія въ мірѣ и создавъ въ немъ *въ моментъ* искушенія, *подъ дѣйствіемъ* своихъ оболстительныхъ словъ, преступное желаніе—возвыситься надъ установленными Богомъ границами и отложиться на свою собственную свободу,— которое раньше могло существовать только въ возможности.

Искушеніе диавола, по своему существу, было, такимъ образомъ, искушеніемъ чисто-религіознаго, а не нравственнаго характера, всецѣло касалось религіознаго настроенія человѣка, его отношеній къ Богу-Создателю. Таковы, вообще, искушенія этого духа. По свидѣтельству самого І. Христа въ Еванг. Маттея онъ производитъ соблазнъ въ человѣкѣ тѣмъ, что внушаетъ мысль не о томъ, что Божіе, но что человѣческое, тѣмъ, что онъ убѣждаетъ человѣка не въ правдѣ Божіей, а въ правдѣ человѣческой, въ правдѣ мірской, которая въ ея исключительности и противоположности правдѣ Божіей есть лжеправда этого духа. Не чувственною похотью разжигаетъ злой духъ человѣка, не его слабыя сердечныя струны затрогиваетъ онъ, не поблажаетъ онъ его прихотямъ изъ-за мелочной надежды обладанія слабымъ человекомъ,—нѣтъ, онъ убѣждаетъ его въ своей лжеправдѣ, обращается къ его разуму и свободѣ, затрогиваетъ его лучшія стремленія и желанія и въ нихъ старается влить ядъ своей лжеправды,— старается перемѣнить *религіозное настроеніе* человѣка; раскрывая предъ нимъ свою ложь, искушитель мучаетъ человѣка и его искушенія всегда сопровождаются для человѣка страданіемъ—и сила ихъ искушеній состоитъ именно въ тѣхъ страданіяхъ, которыя проистекаютъ изъ вызываемыхъ злымъ духомъ въ сознаніи человѣческомъ жизненныхъ противорѣчій тварнаго существа. Слова змія-искушителя освѣтили первому человѣку его значеніе и отношеніе къ Богу съ новой, но ложной стороны. Свое превосходство предъ тварью онъ понялъ теперь, въ моментъ искушенія, не какъ *степенное* только превосходство высшаго творенія предъ низшимъ, а какъ величіе Творца предъ ничтожествомъ твари. А въ отношеніи къ нему Бога, только какъ къ

Богopodobному существу, нуждающемуся въ опеку и руководствѣ, для котораго богopodobное совершенство было только будущимъ идеаломъ, онъ увидѣлъ намѣренное умаленіе своей чести. По словамъ Иринея „онъ оказался подобенъ тѣмъ, вполнѣ неразумнымъ (людямъ), которые не дожидаются времени приращенія и слабость своей природы приписываютъ Богу.“ „Не зная ни Бога, ни самихъ себя, ненасытные и неблагодарные, они во первыхъ, не хотятъ быть тѣмъ, чѣмъ созданы—людьми, подверженными ограниченіямъ и страданіямъ, но преступаютъ законы человѣческаго рода, и прежде, чѣмъ сдѣлались людьми, хотятъ уже быть подобными Богу Творцу и не полагаютъ никакого различія между Богомъ несозданнымъ и сотвореннымъ человекомъ“. Они неразумнѣе безсловесныхъ животныхъ; послѣдніе не обвиняютъ Бога за то, что онъ не создалъ ихъ людьми, но каждое изъ нихъ, какъ оно создано, благодарить за то, что создано“. *А мы обвиняемъ его за то, что не въ началѣ сотворены мы Богами, но сперва людьми, а потомъ уже богами*“. Побѣждаемому злымъ духомъ человѣку, подвліяніемъ исключительныхъ обѣщаній, тяжело показалось отказаться отъ идеальной самобытности и быть только орудіемъ Верховнаго Существа и посредникомъ между Богомъ и тварью, казалось непримиримымъ быть пророкомъ божественной правды, ея самоотверженнымъ служителемъ и въ то же время сознать самого себя святымъ, блаженнымъ и царемъ природы: онъ не примирилъ правды Божіей съ своей человѣческой правдою, добытой изъ его человѣческой ограниченной мысли и сталъ на сторону послѣдней. Въмѣсто того, чтобы признать свою ограниченность, усвоить вѣрою и любовію правду Божьяго промысленія о себѣ, проявленную славу приписать и возвратить ея источнику—Богу, а самому путемъ развитія создать себя въ „тѣлесную храмину“ Божества, онъ захотѣлъ удержать эту славу для себя самого, быть богомъ въ своей исключительности, въ себѣ самомъ найти источникъ блаженства, истины и правды—во имя божественнаго *въ себѣ* начала, а потому, побѣжденный этимъ желаніемъ въ своемъ сознаніи, и увидѣлъ въ Богѣ *другого наряду съ собой* Бога, оспаривавшаго его славу и его достоинство, завидующаго ему, Бога, который произвольно ограничивалъ и стѣснялъ его жизнь—только по нежеланію, чтобы и чело-

вѣкъ былъ такимъ-же Богомъ. Только благодаря такому превратному толкованію человѣкъ и согласился вкусить запрещеннаго плода, осуевѣрно повѣривъ, можетъ быть, и его мнимой магической силѣ. Человѣку пришло на мысль и онъ увѣрилъ себя въ этомъ, что будто, въ предѣлахъ своей природы и силъ, онъ могъ бы достигнуть гораздо болѣе высокаго положенія, чѣмъ какое онъ занимаетъ въ дѣйствительности, если бы только Богу угодно было поставить его въ наиболѣе благопріятныя условія жизни, но что Ему будто не угодно этого сдѣлать изъ опасенія потерять въ людяхъ своихъ покорныхъ рабовъ, что будто насущные интересы ихъ жизни, какъ жизни свободно-разумныхъ существъ, не только чужды, но и совершенно противны Божиимъ намѣреніямъ, такъ что въ Богѣ они имѣютъ лишь своего безсердечнаго повелителя и потому въ сущности оказываются лишь роковыми жертвами его мнимой тиранніи. Конечно, и та и другая мысль достаточно сильны, чтобы въ принявшемъ ихъ человѣкѣ возбудить, съ одной стороны, чувство самолюбія и направить мысль къ мятежнымъ мечтамъ о новыхъ условіяхъ жизни, съ другой—возбудить чувство протеста противъ несообразнаго съ его природой мнимаго гнета и вызвать чувство вражды къ Богу. Само собою понятно, что можно было и не принимать этихъ мыслей, потому что весьма легко разоблачить ихъ грубую лживость, но если ужъ кто принялъ эти мысли, о томъ можно прямо сказать, что онъ *наль*, потому что принять эти мысли значитъ тоже самое, что опредѣлить себя на путь безмысленной вражды къ Богу. И сколько разъ потомъ люди падали такимъ именно образомъ, неспособные примирить наличную ограниченность своей жизни съ своимъ богоподобнымъ достоинствомъ, средоточіе своей жизни положить не въ себя, а въ волю Божіей, предоставить надъ собой, по выраженію одного отца, „царствовать Богу“. Разъ средоточіе жизни человѣка въ его „я“, разъ онъ закономъ бытія считаетъ себялюбіе, тогда для него божественная слава становится чуждою славою, власть божественная внѣшнею, принудительной властью, а Законъ Божій, какъ всякое ограниченіе его хотѣній, какъ всякое покушеніе на нашу самостоятельность, внѣшнимъ враждебнымъ неудобноносимымъ игомъ и Самъ Господь—немилосерднымъ властителемъ, который „жнетъ, гдѣ несѣялъ, и собираетъ,

идѣже не расточаль“. Злой духъ своими преимущественными жертвами выбираетъ натуры сильныя и цѣльныя, горячія и самоотстойчивыя, которыя способны или ко всецѣлому самопожертвованію ради божественной правды, ко всецѣлому проникновенію божественной святостью, или къ сильному и рѣзкому, положительно сатанинскому протесту противъ нея,— и исторія религіи знаетъ не мало примѣровъ сильныхъ натуръ, которыя послѣ долгаго внутренняго самоуглубленнаго боренія, побѣжденные въ немъ, отъ жизни сурово-аскетической внезапно переходили къ дикому разнузданному разврату, въ которомъ выражалось, однако, не мелочное служеніе органической страсти, а именно сатанинское стремленіе къ самоволію, къ свободѣ, ничѣмъ не стѣсненной,—переходили отъ жизни краткой и смиренной къ неистово-жестокимъ дѣйствіямъ, проливая ненасытно человеческую кровь, уничтожая разумное твореніе Божіе. Исторія христіанства указываетъ намъ на цѣлыя секты христіанъ, во имя своей духовной свободы (т. е. богоподобія) не считавшихъ для себя обязательнымъ нравственнаго закона; въ менѣе чистой формѣ, въ разнообразныхъ случайныхъ и индивидуальных оболочкахъ, это положительное самооправданіе въ нарушеніи ограничивающаго волю закона проявляется то какъ указаніе на свое богатство природныхъ силъ (т. наз. антиномизмъ *геніевъ*) на высокое призваніе и т. д., какъ будто всѣ эти отличія ставятъ ихъ обладателей выше „внѣшняго“ закона, внѣшней обрядности и даютъ имъ привиллегію грѣшить безнаказанно, свободно относясь къ тому, что обязательно для людей низшей породы. Отрицательная сторона этого самооправданія, противоположная указанію на высокое достоинство и богатство природы, но тѣсно связанная съ нею, какъ обратная сторона одного и того-же аята, состоитъ въ указаніи на немощь человеческой ограниченной природы. „Я не могу“—исполнить требуемаго и отказать отъ запрещеннаго—это упрекъ, повидимому, природѣ, а на самомъ дѣлѣ Богу за безсиліе человеческой природы, это невѣріе и ложь грѣховная, потому что върующему всё возможно и недопущенное даже при сознаніи безсилія самооправданіе, силою вѣры должно совершить чудо: силы въ безсиліи, мощи въ немощи, неограниченности въ стѣсненіи... Свѣтская, въ частности наша русская, литература не разъ художественно изобра-

жала печальные типы такихъ жертвъ религіознаго самооправданія,—припомнимъ хотя бы Ив. Карамазова, Кирилова у Достоевскаго и т. п.

Заключительная рѣчь

руководителя по окончаніи бесѣды со старообрядцами.

Сказана 22 авг. 1904 г. на Нижегородской ярмаркѣ въ зданіи Игнатъевскаго пріюта.

„Созижду церковь Мою, говорилъ Господь Исусъ Христосъ, и врата адовы не одолѣютъ ей“. Врата адовы, сирѣчь гонители, еретики и грѣхи (Благовѣст.). „Вѣрно сіе слово и всякаго пріятія достойно, какъ и слово Господа, ибо для Бога сказать значитъ сдѣлать“ (Иеронимъ). Поэтому разъяснять вопросъ о Церкви изъ показывать истинную церковь Христову надлежитъ присущими ей свойствами и существенными ея признаками (Катих. велик. гл. 120—121); а не чѣмъ-либо другимъ, внѣ ея находящимся, чуждымъ ей и противнымъ. Вопросъ о томъ, гдѣ, въ какомъ обществѣ она обрѣтается, или, что тоже, какое общество оную составляетъ и кто къ ней принадлежитъ, и долженъ рѣшаться указаніемъ этихъ именно признаковъ. Ни на минуту не должно забывать, что Христова церковь, какъ прекрасная Его обручница, болѣе—какъ тѣло Его, зависитъ лишь въ своемъ устройствѣ отъ Жениха-Христа и Главы—Ея, а не отъ чего, или кого-либо посторонняго и Ему противнаго, не отъ какихъ-нибудь еретиковъ, или гонителей.

Если крѣпокъ домъ, то крѣпокъ онъ самъ по себѣ, какъ хорошо построенный, на твердомъ фундаментѣ, съ прочными стѣнами и крѣпкой крышей. Въ такомъ домѣ и жить безопасно при всякой непогодѣ, его не разрушатъ никакія бури и ураганы. Нужно, такимъ образомъ, смотрѣть и цѣнить самый домъ и его построение. Но если непогода можетъ расшатать его, почти разрушить, если буря сметаетъ его крышу, то каково же это домъ и какъ же жить въ немъ? Еще: если роскошень и плодovitъ садъ, то это зависитъ отъ

почвы, отъ ухода за нимъ и отъ орошенія, а не отъ того, растеть, или не растеть за его оградой бурьянъ и крапива. И если этотъ садъ хорошо оберегается сильнымъ и богатымъ домохозяиномъ, то все то, что находится внѣ его, не можетъ его портить. Если же, наоборотъ, садъ высыхаетъ, то или хозяинъ не предусмотрителенъ, или почва не хороша, или орошенія не было. Словомъ, нужно осматривать домъ и садъ, а не то, что внѣ оныхъ. Внѣшнія бури и плевелы давнымъ-давно извѣстны, всегда были, есть и будутъ.

Все это въ порядкѣ вещей.

У насъ на бесѣдахъ какъ-будто не такъ: не о томъ говорятъ, не на то вниманіе обращаютъ, мало смотрятъ на полуразвалившіяся стѣны, на дыравость крыши, на посохшія плодовые деревья отъ недостатка орошенія, да и смотрѣть еще не хотятъ. Если же другіе останавливаются на этомъ ихъ вниманіе, то они стануть ссылаться на внѣшнія только вліянія, ими объяснять существенные свои недочеты и оправдываться, и много говорятъ лишняго, совѣмъ ненужнаго, а иногда и для домохозяина оскорбительнаго. И, на самомъ дѣлѣ, плохіе-же и непредусмотрительные, должно быть, были домостроители, домохозяева и садовники, что поставили свои дома въ полную зависимость отъ внѣшнихъ бурь и непогоды, а свои сады отъ сорныхъ травъ, или отъ палящихъ лучей солнца! А про тотъ домъ, гдѣ и стѣны, и крыша до очевидности совершенно брѣвни, и живется въ немъ тепло и сытно, и про тотъ садъ, въ коемъ и заборы прочны, и деревья вскопаны, и поливка совершается неукоснительно, говорятъ, что фундаментъ дома разваливается, что почва въ саду каменистая, — говорятъ, хотя не могутъ указать, который именно кирпичъ выпалъ изъ фундамента, или гдѣ камень въ почвѣ. Не говорятъ и не показываютъ этого, а вмѣсто того указываютъ на случайную въ домѣ обстановку, или на нѣкоторую нечистоплотность жильцовъ и на необрѣзанные сучки въ саду, т. е. въ сущности дѣла на мелочи.

Въ разсужденіяхъ со старообрядцами такъ бываетъ всегда и повсюду, такъ было и на только-что окончившихся бесѣдахъ. Мы осмотрѣли здѣсь три дома и три сада, хотя и не во всѣхъ частностяхъ. Трудно, ни силъ, ни времени не достанетъ воспроизвести теперь всю картину двадцатидневныхъ бесѣдъ, передать каждую изъ нихъ, хотя-бы и въ

сокращенномъ видѣ. Будемъ довольны, если набросаемъ общій только фонъ картины, предоставивъ каждому вывести узоры, насколько сохранились они въ ихъ памяти. Итакъ, вспомнимъ главное и самое характерное изъ того, что здѣсь видѣли и слышали.

Вотъ домъ старообрядческаго поповства. Рѣчь идетъ о епископѣ, точнѣе, о непрерывности въ Христовой церкви и о необходимости въ ней чина епископовъ. Назовемъ этотъ чинъ или преемственный порядокъ капитальною стѣною въ домѣ, или крышею его, или подпорами, какъ св. Киприанъ, или приставленными Домохозяиномъ уполномоченными „дѣлателями“ въ виноградникѣ, садовниками. Ясно, что домъ безъ стѣнъ и крыши не домъ, садъ безъ садовника бесплоденъ. Поэтому, когда спрашивали поповцевъ: нужны-ли въ Христовой церкви епископы (которыхъ у нихъ долгое время не было), то они сразу здѣсь отвѣчали: „да, нужны“, но, сказавъ: „нужны“, ни на минуту не останавливались, чтобы поразмыслить, а сейчасъ же добавляли, что не стало *благочестивыхъ* епископовъ, всѣ они отступили отъ истины и затѣмъ,—такъ какъ минутъ оставалось еще много,—начиналось многоглаголаніе объ удаленіи отъ епископовъ-еретиковъ, такое многоглаголаніе, что по крайней мѣрѣ цѣлая половина рѣчей наполнялась этимъ. Но что это? Кто говорилъ, или спрашивалъ о еретикахъ? Кто сомнѣвался въ томъ, что ихъ слѣдуетъ удалять?—Ровно никто! Да и къ чему эти тяжелыя для слуха слова о тяжелой участи еретиковъ, объ ихъ соучастіи съ діаволомъ? Опять ни къ чему, кромѣ развѣ запугиванья. Вѣдь, говорили и спрашивали о епископахъ именно православныхъ, такъ что до еретиковъ, казалось бы, и дѣла не было. Но вѣтъ, понадобились здѣсь еретики, чтобы ими загорodиться, зашить свои крупныя прорѣхи, скрыть существенные недостатки въ домѣ и въ саду.

Прибѣгнувъ къ такому неблаговидному приему, вопрошали здѣсь защитники поповства, гдѣ писано, что всѣ епископы не могутъ уклониться въ ересь и для желаемаго отвѣта шли такимъ логическимъ путемъ: „одинъ, два, три и т.д. епископа могутъ погрѣшить и впасть въ ересь, значитъ, и *всѣ* могутъ“. Заключение логически какъ-будто и вѣрное. Но если уже такъ разсуждать, начавъ съ одного и кончая всѣми, то тѣмъ же путемъ легко дойти и до безнародной

перевѣ, до чего и дошелъ Швецовъ,—въ существѣ, до полнаго ея уничтоженія и прекращенія. Ошибка въ заключеніи та, что не съ того конца начинаютъ. Домъ, о которомъ рѣчь, построенъ не людьми и не съ людей начинать и разсужденіе о немъ. Крыша этого дома связана съ небомъ, съ Тѣмъ, Кто естество наше на Отчемъ посадилъ престолѣ и Кто въ первомъ Своемъ обѣтованіи предрекъ этому дому неодолимность, неразрушимость, крѣпость во вѣки вѣковъ. И насажденный садъ впервые оросилъ Духъ Святый въ день Пятидесятницы и Его благодатію, преемственно переходящую, онъ долженъ орошаться въ вѣки вѣчные. Вотъ откуда, съ Божія домостроительства нашего спасенія и нужно начинать всѣ разсужденія о церкви Божіей.

Впрочемъ, если остановиться на первомъ словѣ отвѣта, что епископы въ Христовой перевѣ необходимо нужны, то увидимъ здѣсь по меньшей мѣрѣ полусознаніе въ томъ, что отсутствіе *православнаго* епископа въ обществѣ поповцевъ въ теченіе цѣлыхъ 180 лѣтъ составляло такой пробѣлъ, какого въ Христовой церкви никогда не было и быть не можетъ. Домъ оставался безъ крыши и садъ безъ поливки. вмѣсто капитальной стѣны были лишь легкія перегородки, постоянно смѣняемыя уносимыя изъ чужого дома (бѣжавшіе священники), садъ поливался каплями воды изъ колодца сосѣда.

Но вотъ явился Амвросій: стѣна вставлена крыша покрыта, садъ орошается. Все, повидимому, обстоитъ теперь благополучно. Но является вопросъ: откуда эта крыша, откуда эта вода орошенія? Крыша съ чужого дома, вода изъ чужого колодца. Отсюда, прежде всего то слѣдовало бы, что, получивъ сіе отъ другихъ, въ восполненіе *своего* недостатка, не слѣдовало бы камнями забрасывать тотъ домъ, откуда получили; послѣднее, просто, нечеловѣчно, (негуманно, неделикатно,—слова, можетъ, непонятныя вамъ многимъ, но понятныя другимъ), не плевали бы въ тотъ колодезь, изъ котораго имъ пришлось воды напиться. Но въ удивленію, по крайней мѣрѣ, здѣсь, нынѣ, болѣе другихъ, совсѣмъ уже чуждыхъ и этому дому и этому колодцу, совсѣмъ уже и надобности не имѣющихъ ни въ первомъ, ни въ послѣднемъ, совершенно въ этомъ смыслѣ далекихъ и отчуждившихся (о нихъ рѣчь впереди) — похитители подвергаютъ ошлеванію *источникъ*, изъ котораго они необходимое для ихъ дома и

сада взяли. Намъ, отъ которыхъ все это они позаимствовали, нечего стыдиться этихъ оплеваний, ибо мы знаемъ и про оплеванія нашего Господа. Разница тутъ небольшая: оплевали Господа, оплевываютъ и Его церковь, изливая на нее свою злобу. Можемъ только замѣтить, что, оплевывая колодезь, изъ котораго взяли воду, они оплевываютъ самихъ себя; недаромъ и въ глазахъ безпоповцевъ, такихъ же старообрядцевъ, они остаются безотвѣтными и уклоняются уже теперь отъ бесѣды съ ними. Дѣло въ томъ, что защитники поповства оказались между двухъ огней или, какъ говорится, сидящими между двухъ стульевъ: православіемъ и безпоповствомъ. Можно сказать, что и вся ихъ исторія такова. Поповщина старообрядческая представляетъ собою часовой маятникъ, ударяющій то въ ту, то въ другую сторону,—то въ безпоповство, то въ православіе. Въ бесѣдахъ съ первыми защитниками его доказываютъ то, что доказываютъ и православные (вѣчность священства. Швеповъ. „Истинность стар. іерарх.“), въ спорахъ же съ послѣдними то, что Христова церковь можетъ оставаться и безъ іерархическихъ лицъ („Исповѣд. вѣры въ символн. церковь“, его же, въ „Собраніи“ нашихъ сочин. т. 1). Это-первое. А затѣмъ спрашивали защитниковъ поповства главнымъ образомъ о томъ, *кто* вставилъ стѣну въ домъ поповства, *кто* закрылъ крышу, *кто* очистилъ мутную яко-бы воду для орошенія сада? Или самъ Амвросій распорядился собою, принявъ новую паству и возстановивъ въ ней прерванную іерархію и тѣмъ возсоздавъ новую церковь? Но это было не такъ. Самому Амвросію, пришедшему отъ-инуду, не позволили этого сдѣлать: распорядились имъ другіе. Вы слышали здѣсь о приѣмѣ Амвросія, о его посланничествѣ и объ обрученіи его съ бѣглопоповщиною, слышали о погрании при этомъ церковныхъ правилъ и установленнаго порядка. И дѣйствительно, неслыханное дѣло, чтобы іеромонахъ могъ принять въ церковь въ *сущемъ* самъ митрополита, всенародно объявить его достоинство и вручить паству,—что я говорю: „паству“, не отдѣльную паству, а всю *символьную* церковь. Неслыханное дѣло, что когда-либо какой-нибудь іеромонахъ съ толпой народа могъ послать и благословить архіерея на дѣло пастырскаго служенія. Требовалось поповцамъ, много лѣтъ остававшимся безъ перваго чина іерархіи, сочинить и *свои* каноны, создать и

свой церковный порядок. На бумагѣ, въ книгѣ они этого не сдѣлали, ничего новаго не сочинили, но на дѣлѣ въ жизни вынуждены были сдѣлать. Ушедшій къ старообрядцамъ греческій митрополитъ Амвросій въ дѣйствительности возстановилъ, исправилъ, именно возсоздалъ полуразрушенный, развалившійся домъ поповцевъ, даль орошеніе ихъ саду. О значеніи Бѣлой Криницы и, значитъ, по появленіи въ ней Амвросія въ дѣлѣ возстановленія поповщійской церкви проговариваются и сами старообрядцы. „Казанское старообрядческое церковно-общественное Попечительство, согласно постановленія Казанскаго духовнаго епархіальнаго Совѣта,“ пишетъ, между прочимъ, Московскому Обществу, что „въ религиозной нуждѣ старообрядцевъ сослужила искупленіе Бѣлокриницкая митрополія“. (Рукоп. подъ названіемъ: „Самоправіе въ дѣйстви именуемыхъ всероссійскихъ съѣздовъ и ихъ Попечительства“, листъ 23. Имѣеть быть напечатана). Кто же послѣ этого, по словамъ самихъ старообрядцевъ, былъ Амвросій, какъ не искупитель ихъ церкви?.. Справедливо, значитъ, теперь называть, — какъ и называютъ, — ее церковію *Амвросіевою*.

А что до церковныхъ канонѣвъ, то ясно, что не будь домъ поповцевъ полуразрушенъ, не оставайся садъ ихъ безъ орошенія, не было бы и церковныхъ правонарушеній. Послѣднія неизбѣжно вытекали изъ перваго. Вотъ почему и понадобилось защитникамъ поповства говорить на бесѣдахъ болѣе всего о еретикахъ и въ нихъ находить опору для своей защиты и оправданія.

Затѣмъ мы видѣли домъ и садъ безпоповства. Но это уже и не домъ, хотя бы и полуразрушенный, и не садъ, а какая-то лачуга и пустырь, поросшій травюю. И сами послѣдователи безпоповства почти и не называютъ своихъ обществъ Церковію, а только „остаткомъ“ отъ Церкви, которымъ управляетъ Самъ Христосъ, — по крайней мѣрѣ мы здѣсь такъ слышали.. Теперь прежде всего спросить бы ихъ, которымъ именно „остаткомъ“ Онъ благоволитъ управлять: нѣтовцами-ли, поморцами-ли, странниками-ли, или другими бабами, имъ же имя легионъ, и что тогда они отвѣтили бы? И произошла бы по сему брань междуособная. Да и ведется уже. Въ прошедшемъ году (1903) ратоборствовали нѣтовецъ (Коноваловъ) и поморецъ (Пичугинъ), и

ратоборство было страшное. И оба ратоборца каждый при своемъ остались. Нынѣ, на бесѣдахъ, выступалъ предъ нами одинъ „остатокъ“ (нѣтовцы). Вы слышали бесѣды о церкви со священствомъ и о святомъ причащеніи. Когда бесѣдующихъ безпоповцевъ спрашивали: „нужно-ли въ Христовой церкви священство“, „необходимо-ли для спасенія таинство св. причащенія“, то слышали отвѣты, что священство нужно и причащеніе для спасенія необходимо. Но непосредственно послѣ этихъ отвѣтовъ опять лились цѣлыми потоками тѣ же рѣчи о еретикахъ и объ удаленіи отъ нихъ, какъ будто кто сомнѣвался, что необходимы *православное* именно священство, а не еретическое, *святое* причащеніе, а не иное, чуждое Христу. И безпоповцы, такимъ образомъ, старались укрыться тоже за еретиковъ и ими оправдаться. Къ тому же присоединились и разглагольствія объ антихристѣ, въ сущности, о тѣхъ же еретикахъ, такъ какъ *особой* личности послѣдняго антихриста они не признаютъ вопреки св. Іоанну Дамаскину (Богосл. гл. 26) и св. Златоусту (Бес. на 2 посл. къ Солун.), смѣшивая антихриста и его „предотечей“, разглагольствовали объ антихристѣ, что онъ яко бы уничтожилъ то, что Богомъ дано на вѣки вѣчные и чему пребывать должно до второго Христова пришествія. (Подробн. о семъ см. въ нашемъ „Критич. разб. ученія безпоповцевъ“, гл. о Церкви и о Причащеніи). Выходитъ, что антихристъ разрушилъ домъ Божій, побѣдилъ Христа, ограбилъ Его обрччницу, уничтожилъ виноградникъ, Небеснымъ Отцомъ на землѣ насажденный:— преисподняя взяла верхъ надъ небомъ. Съ чѣмъ все это сообразно и къ лицу-ли это послѣдователю Христову? Все говорили только объ опасностяхъ для Церкви, о буряхъ, пронесшихся надъ Господнимъ домомъ, но совсѣмъ о томъ забыли, о чемъ св. Златоустъ вѣщалъ, что Церковь выше неба и крѣпче камня, что и Глава ея „камень нерукосѣчный, отъ несѣкомыя горы—Дѣвы отсѣчеся“. Забыли поставленные нами въ началѣ слова Господа, что и врата ада ее не одолбютъ. Все мышленіе перевернулось наизнанку, все это попрано и потоптано ногами.

то Вотъ и маленькій примѣръ. Когда на бесѣдѣ о Причащеніи читали слова Господа и святыхъ отцовъ о необходимости для спасенія вкушенія Пречистаго Тѣла и Животворящей Крови Христа Спасителя, то со стороны безпопов-

шинскаго собесѣдника раздалось требованіе: не „читай мнѣ о необходимости, и я не буду читать о еретикахъ!“ Это значитъ: не читай мнѣ о спасеніи, не указуй пути Господня, и я не буду читать тебѣ о погибели. Но что лучше, назидательнѣе и для души отраднѣе, спасеніе или погибель? До чего человѣкъ договорился!

Говорили и говорятъ безпоповцы, что они плачутъ о благочестивомъ священствѣ и о св. Причащеніи. Но слезъ ихъ мы и здѣсь не видѣли, а видѣли усиленные старанія оправдать свое безсвященнословное состояніе. А стоило бы, дѣйствительно, плакать и искать. Св. апостолъ Павелъ писалъ: *благодатию есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ* (Ефес. 2, 8). И этотъ даръ любви Божіей данъ во имя пролитой крови Господа, и въ этой крови и завѣтъ новый (Лук. 22, 20), такъ что „кропленіемъ Божіей крови обновляются людіе“ (Ирм. 5 на нед. Ваій). И этотъ завѣтъ крови наглядно воспоминается намъ и предъявляется чрезъ посредство лицъ священныхъ. Посему, кто дорожить завѣтомъ крови и другими дарами благодати, тотъ долженъ дорожить и священствомъ, считая его простымъ украшеніемъ церкви,—людьми, облеченными въ дорогія только ризы и саккосы съ омофорами,—тотъ показываетъ, что онъ не дорожитъ и благодатию спасающею. Разсуждающій такъ, сводитъ дѣло спасенія только къ усиліямъ самого человѣка, къ исполненію имъ завета. Но тогда зачѣмъ было и кровь проливать Спасителю нашему? Довольно было дать заповѣди евангельскія, что именно подобаешь человѣку творити, т. е. быть законодателемъ и учителемъ, но не искупителемъ. *Аще бо закономъ правда* (т. е. оправданіе), *убо Христосъ туне умре* (Галат. 2, 21). Вотъ къ какимъ выводамъ приводятъ рѣчи безпоповцевъ.

А что они дѣйствительно не дорожатъ дарами благодати, это также вочію сказалось на бесѣдѣ о св. причащеніи. Когда прав. собесѣдникомъ было замѣчено, что безпоповцы остаются безъ хлѣба животнаго, сшеднаго съ небеси (Іоан. 6, 50); и потому должны умереть отъ голода, то безпоповецъ отвѣтилъ: „теперь хлѣба не отравленнаго (причастія не еретическаго) нѣтъ нигдѣ“, и на этомъ успокоился. Но если это даже и правда, то ему то отъ этого не легче, все же онъ *самъ* обрекаетъ себя на голодную смерть. По-

послѣднее время стали претѣвлять обвиненіе, что мы, вои-

этому, припомнивъ первые отвѣты: „нужно“, „необходимо“, мы смѣло можемъ сказать, что этими отвѣтами безпоповцы произнесли судъ надъ собою. Если онъ не страшенъ уже имъ, то долженъ быть страшенъ другимъ, которыхъ они призываютъ къ себѣ. Этого довольно, чтобы видѣть, что въ лагудѣ безпоповства и голодно. Человѣку, вѣрующему во Христа, дѣйствительно, плавать нужно и со слезами раскаянія выбираться изъ нея, а не въ эту лагуду другихъ еще звать.

Предъ нами и третій домъ,—церковь православная, домъ ни мало не разрушенный, крѣко стоящій, третій сать, съ неизсякаемымъ отъ дна Пятидесятницы потокомъ орошенія. Это на глазахъ у всѣхъ и никѣмъ не оспаривается. Но тѣ, которые живутъ въ выше осмотрѣнныхъ домахъ, изощряются подкопаться подъ самое его основаніе; они кричатъ,—именно кричатъ,—что развалился его фундаментъ. Всѣ многоглаголивыя и громогласныя здѣсь заявленія о еретикахъ ототъ именно домъ и имѣли въ виду. И сколько ради этого перечитываютъ они книгъ, не только старыхъ, но и новыхъ, съ какимъ стараніемъ подбираютъ каждое, хотя сколько нибудь подходящее для нихъ слово!... Но и при такомъ повсемѣстномъ, упорномъ изысканіи никакихъ дѣйствительныхъ ересей, т. е. нарушенія истиннаго ученія вѣры, отыскать не могли и не могутъ тамъ, гдѣ хотать, и у тѣхъ, на кого градомъ сыплются эти извѣты.

Вы слышали бесѣды о вселенскомъ образѣ (символѣ) вѣры,—ересь-ли въ томъ, что 8-й его членъ читается безъ слова „истиннаго“? По справкамъ оказалось, что и въ прежнее, до-Никоновское, благочестивое время во многихъ рукописныхъ и печатныхъ книгахъ читалось безъ этого слова, а по гречески, откуда мы *втру* приняли,—этого слова и никогда не было. Поэтому, кто обвиняетъ въ нарушеніи вселенскаго символа насъ, долженъ обвинить и древнихъ грековъ, и нашихъ патріарховъ до Никона. Слышали потомъ бесѣду о перстосложеніи для крестнаго знаменія,—еретичь-ли тотъ, кто молится троеперстно и въ чемъ его ересь. И что же? Никакой ереси и не пытались даже указывать,—какъ прежде то дѣлали,—а по справкамъ и тутъ оказалось, что троеперстіе существовало до патр. Никона, особенно въ церкви греческой, предстоятелей которой въ Россіи прии-

мали не только безъ зазора, но и съ полнымъ достолюди-
мымъ почитаніемъ, встрѣчали въ церкви и у св. Престола
(п. Іосифъ п. Паисія. Описаніе въ Истор. русск. перк. м.
Макарія. т. XI). Поэтому старообрядцы обрачивали рѣчь на
то, какъ смотрѣли у насъ на старообрядческое двуперстіе,
имѣя въ виду рѣзкіе о немъ отзывы,—но это уже другой
вопросъ. Недоразумѣнія и рѣзкости не показываютъ еще ереси,
особенно, если предметъ спора не догматическій. Если бы
мы собрали всѣ хулы старообрядцевъ на троеперстіе,—а
ихъ многое множество,—хулы рѣзкія и несправедливыя, то
отсюда еще не слѣдовало бы, что старообрядцы еретики.
Такъ и наоборотъ.

Въ прошедшемъ году (1903) было немало бесѣдъ и по
другимъ подобнымъ вопросамъ, и все получалось въ общемъ
одно и то же.

Итакъ, ни нынѣ, ни въ прошедшемъ году старообрядче-
скіе бесѣдники ересей никакихъ не указали, въ фундаментѣ
дома, сколько ни копались, не могли найти выпавшаго кирпича,
глиной замѣненнаго. А какъ легко, если бы были какія ереси,
прямо, съ перваго раза и указать на нихъ. Въ прежнее,
давнoproшедшее время, когда происходили споры о исповѣ-
даніи Сына Божія, или двухъ естествъ во Христѣ и т. п.
споры, дѣйствительно, о догматахъ *вѣры*, прямо и указывали
аріанамъ, что они погрѣшаютъ въ отрицаніи единосущія
Сына Божія и Его предвѣчнаго рожденія, а монофизитамъ
— что они заблуждаются, *не исповѣдуя* двухъ естествъ во
Христѣ. Всякому понятно, что здѣсь дѣло шло именно объ
исповѣданіи *вѣры* и ересь была на лицо. Хотя и трудно,
очень трудно было съ нею бороться, но легко указать. У
насъ же что? Усиливаются отыскать ереси, хотя насъ не
спрашиваютъ, раздѣляемъ-ли мы ихъ, стараются силой навязать
намъ ихъ, хорошо зная, что мы все еретическое отрицаемъ,
точно заставить, принудить насъ хотять *вѣровать*
по-еретически, и рады бываютъ, когда что нибудь какъ
будто найдутъ въ какой нибудь книжкѣ, хотя и не церков-
ной. У насъ все толкуютъ о перстахъ да о буквѣ *и* (Иисусъ),
да о количествѣ просфоръ на проскомидіи, да о посолон-
номъ хожденіи, да о допущеніи обливанія¹⁾ и о прочемъ,

¹⁾ По вопросу о допущеніи поливательнаго крещенія въ
последнее время стали прецѣвлять обвиненіе, что мы, воп-

тому подобномъ, — о предметахъ, далеко выходящихъ изъ области вѣры и не заключающихъ въ себѣ ничего еретическаго.

Впрочемъ, и сами старообрядцы чувствуютъ, что никакого нарушенія вѣры въ Церкви, къ коей мы имѣемъ счастье принадлежать, показать невозможно. Поэтому вмѣсто догмата, т. е. ученія вѣры, они выставляютъ слово „преданіе“, болѣе общее и менѣе опредѣленное, такъ какъ преданіе преданію рознь: есть преданія неизмѣнныя (догматическія) и есть преданія измѣняемыя (обрядовыя)¹⁾, и вамъ это хорошо извѣстно. Съ другой стороны, слово „ересь“ они переводятъ, какъ вы здѣсь слышали, словомъ „избраніе“, позаимствовавъ такой переводъ у Иеронима. Но простой переводъ слова не есть еще его опредѣленіе. Такъ, слово „церковь“ по-гречески ἐκκλησία въ переводѣ значитъ только „собраніе“, (Катих. велик. л. 119 об.); но опредѣленіе „церкви“ Христовой означаетъ нѣчто большее, и сдѣлано оно въ Великомъ Катихизисѣ (л. 120—121). Такъ и въ данномъ случаѣ *опредѣленіе* ереси сдѣлано не Иеронимомъ, а св. Василиемъ Великимъ, правила котораго вошли въ Кормчую. Еретикъ тотъ, кто *по вѣрѣ* чуждъ (прав. 1-е). Такимъ образомъ употребляютъ теперь выраженія болѣе общія, чтобы подъ нихъ легко было подвести наше мнимое еретичество. Но это уже совсѣмъ неправильно, искусственно измышленное, въ сущности очевидно клевета на Церковь

реки Символу Вѣры, не исповѣдуемъ *единого* крещенія, а признаемъ *два* крещенія: погружательное и обливательное. Но на самомъ дѣлѣ здѣсь не крещенія два, а два *способа* крещенія: обдержный (погруженіе) и смотрительный (обливаніе). Въ символѣ же вѣры разумѣется *неповторяемость* крещенія (Катих. велик. л. 132). И святое причащеніе приемятъ служашіе изъ рукъ и чаши, міряне со лжицы, причащались и непосредственно запасными Дарами. Но кто скажетъ, что здѣсь *три* причащенія?

(1) Последнее разъяснено нами въ „Миссіонерскомъ Сборникѣ“ (Рязань) въ статьѣ: „Новѣйшій раскольническій софизмъ“.

Христову, на крѣпкій, непоколебимый домъ, Христомъ созданный, на виноградникъ, Отцомъ Небеснымъ насажденный, въ коемъ и Лоза истинная, и непрерывающіяся рожденія отъ нея, по благодати преемства идущія. Вся эта клевета одно безсиліе, одну злобу покажетъ.

Еще: съ ненавистью смотря на нашъ полный домъ и садъ и желая его забросать грязью, говорятъ, что и у еретиковъ есть священство и тайны. Но что они хотятъ этимъ сказать? Не то ли, что даже если и у нѣкоторыхъ еретиковъ (не всѣхъ) есть это, то они и того даже не имѣютъ (безпоповцы), или не имѣли (поповцы)? Такъ не хуже ли онъ этихъ еретиковъ, не болѣе ли прогнѣвали Бога? Таковъ выводъ изъ ихъ, по крайней мѣрѣ, словъ слѣдуетъ.

Мы кончили. Поднятые 250 лѣтъ назадъ и теперь продолжающіеся шумъ и крики о ересьяхъ по справкамъ оказываются пустымъ шумомъ, пугающимъ только слабыхъ и легковѣрныхъ. Никакихъ ересей Греко-россійская Церковь не содержала и не содержитъ.

Я показалъ вамъ, на основаніи происходившихъ бесѣдъ, три дома и сада, и каждый изъ васъ въ вашей совѣсти рѣшите, который изъ нихъ болѣе отвѣчаетъ словамъ Христовымъ о его церкви: *созидю церковь Мою, и врата адавы не одолѣютъ ей. И дамъ ключи царства небеснаго: и еже свяжете на земли, будетъ связано на небесахъ, и еже разрѣшите на земли, будетъ разрѣшено на небесахъ.* И кто принадлежитъ къ этой neodолѣнной, хотя и воюемой церкви, кто сынъ или дочь ея, тотъ пусть знаетъ, что живетъ со Христомъ и можетъ уйти отсюда съ миромъ и утѣшеніемъ. А тѣмъ, кои живутъ въ храминахъ, людьми построенныхъ и не neodолѣнныхъ, приличествуетъ пожеланіе покаянія и слезной молитвы, да откроетъ имъ Господь очи сердецъ ихъ и направитъ на путь спасенія.

Меня же за трудъ мой и слова мои прошу, всѣхъ отпустить съ миромъ.

Проф. Н. Ивановскій.

Дозволительно ли пастырямъ Церкви получать плату за свой трудъ?

(Противъ сектантовъ).

Въ своихъ бесѣдахъ съ православными сектантами весьма любятъ нападать на православныхъ пастырей Церкви.

Обвиняя послѣднихъ, сектанты говорятъ, что православные священники не пастыри, а наемники, такъ какъ получаютъ плату за свой трудъ.

Дѣйствительно, православные пастыри получаютъ плату за свой трудъ, но можно-ли за это называть ихъ наемниками?

Нѣтъ, нельзя.

Почему?

Да потому, что получать плату за трудъ пастырямъ дозволилъ Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ и святые Его апостолы.—

Посылая Своихъ учениковъ на проповѣдь, Спаситель сказалъ имъ: *«Въ какой домъ войдете, сперва говорите: миръ дому сему... въ домъ же томъ оставайтесь, пийте и пейте, что у нихъ есть; ибо трудящийся достоинъ награды за труды свои»* (Лув. 10, 5, 7; ср. Матѣ. 10 10),

Изъ этихъ словъ Спасителя ясно видно, что Онъ дозволилъ Своимъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ пастырямъ Церкви питаться отъ тѣхъ, кому они проповѣдуютъ и служатъ.—

Этому-же научаетъ и св. апостолъ Павелъ, который писалъ въ посланіи къ Коринтянамъ: *«Какой воинъ служитъ когда-либо на своемъ содержаніи? Кто, насадивъ виноградъ, не ѣстъ плодовъ его? Кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ стада? По человѣческому-ли только разсужденію я это говорю? Не то же-ли говоритъ и законъ? Ибо въ Моисеевомъ законѣ написано: не заграждай рта у вола молотящаго (Второз. 25, 4). О волахъ ли печется Богъ? Или, конечно, для насъ говорится? Такъ, для насъ это написано.... Если мы постыли въ васъ духовное, велико-ли то,*

если пожнемъ у васъ тѣлесное?... Развѣ не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святыхъ мѣстъ? что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдующимъ Евангеліе жить отъ благовѣствованія» (1 Кор. 9, 7—14).

Тотъ-же апостоль писалъ въ посланіи къ Галатамъ: «Наставляемый словомъ дѣлать всякимъ добромъ съ наставляющимъ» (Гал. 6, 6). Подъ именемъ «наставляющаго» апостоль разумѣть не кого иного, какъ именно пастыря Церкви, ибо онъ самъ писалъ одному изъ пастырей, апостолу Тимоѳею: «Проповѣдуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увѣщивай со всякимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ» (2 Тим. 4, 2).

Обычай пастырей получать плату за свой трудъ—очень древній; онъ ведетъ свое начало изъ временъ ветхозавѣтныхъ и былъ установленъ тамъ Самимъ Богомъ. Въ книгѣ Числъ содержатся слѣдующія слова Господа, сказанныя Аарону: «вотъ, Я поручаю тебѣ наблюдать за возношеніями Мнѣ отъ всего, посвящаемаго сынами Израилевыми, Я далъ тебѣ и сынамъ твоимъ, ради священства вашего, уставомъ вѣчнымъ; вотъ, что принадлежитъ тебѣ изъ святыхъ великихъ» (Числ. 18, 8—15); и далѣе Господь подробно исчисляетъ и указываетъ, что именно и въ какомъ количествѣ сыны Израилевы должны были отдавать въ пользу священниковъ въ вознагражденіе за трудъ.—

Исполняя это повелѣніе Господне, праведный Товитъ «отдавалъ священникамъ для жертвенника десятину всѣхъ произведеній» (Тов. 1, 7—8).

Внимая этому Божественному закону, благочестивый царь Езекиа «повелѣлъ народу, живущему въ Иерусалимѣ, давать опредѣленное содержаніе священникамъ и левитамъ, чтобы они были ревностны въ законъ Господнемъ» (2 Парал. 31, 4).

Въ виду этого и премудрый Сирахъ въ своей книгѣ поучаетъ: «Бойся Господа и почитай священника, и давай ему часть, какъ заповѣдано тебѣ» (Сир. 7, 33).

Къ сожалѣнію, въ послѣднее время народъ нашъ православленный настолько охладѣлъ въ тому священному труду, который во исполненіе Господняго завѣта, совершаютъ наши

пастыри, что не только часто отказывается давать имъ содержаніе, но еще издѣвается надъ ними, называя ихъ, подъ вліяніемъ сектантовъ, наемниками.—

Можно-ли такъ оскорблять своихъ отцовъ духовныхъ? Можно-ли слушать злыя навѣты сектантовъ?

За что не любятъ сектанты православныхъ пастырей.

За то, что послѣдніе непрестанно обличаютъ сектантскія заблужденія и оберегаютъ своихъ пасомыхъ отъ зараженія пагубнымъ ученіемъ сектантовъ.

Но этимъ-то наши священники и доказываютъ всѣмъ, что они не наемники, а истинные пастыри добрые, такъ какъ, по слову Спасителя, «наемникъ не пастырь, которому овцы не свои, видитъ приходящаго волка и оставляетъ овецъ и бѣжитъ; и волкъ расхищаетъ овецъ и разгоняетъ ихъ» (Иоан. 10, 12). (Почаевскій листокъ, № 14).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Кіевское пастырское собраніе 15 февр. 1905 г.

На собраніи Кіевскихъ пастырей преосвященный ректоръ Дух. Академіи епископъ Чигиринскій Платонъ, поставивъ вопросъ: *какъ пастырю церкви относиться къ явленіямъ текущей жизни*, нашель что высказаться по этому предмету, нужно, что того требуетъ общество и печать, что молчаніе было бы по меньшей мѣрѣ неумѣстно. Упомянувъ, что пастырскія собранія въ Петербургѣ уже касались отношенія духовенства къ современной дѣйствительности, епископъ съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что выводъ, къ которому пришли въ Петербургѣ, неизвѣстенъ въ Кіевѣ, такъ какъ между пастырскими собраніями петербургскими и кіевскими нѣтъ живого общенія. Между присутствовавшими происходилъ обменъ мыслями. Была рѣчь о компетентности пастыря въ разрѣшеніи дѣлъ общественной жизни, о томъ, насколько удовлетворительны для слушателей разъясненія социальныхъ вопросовъ, основывающіяся на Словѣ Божіемъ, и т. д.

указано было, какъ окраинное населеніе Кіево-Подола, гдѣ есть много фабрикъ и заводовъ, интересуется слышать пастырское слово по поводу броженій въ средѣ рабочихъ. На выраженное въ собраніи желаніе выслушать особый рефератъ по затронутому предмету отозвался свящ. Н. Гроссу, который и предложилъ изготовленный имъ докладъ на тему: „Объ отношеніи пастырей къ современнымъ движеніямъ“, въ собраніи 29 марта.

На журналѣ собранія 15 февраля кіевскій митрополитъ, Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, 27 февр. написалъ:

„Духовенству въ настоящее время молчать не только нельзя, но и преступно. Непростительно грѣшить тотъ пастырь, который сторонится отъ жизни пасомыхъ, не желая быть ихъ учителемъ въ то время, когда они особенно нуждаются въ отеческомъ совѣтѣ, въ духовной помощи, въ наставленіи отца—пастыря. Имѣя въ виду это, убѣдительнѣйше прошу и словомъ своимъ и дѣломъ воздѣйствовать на жизнь пасомыхъ, охраняя ее отъ смуты, отъ упадка вѣры въ Бога и любви къ нашей св. православной Церкви и людямъ. Всѣ средства свои, всѣ силы—духовныя и моральныя—должны пастыри направить къ этой цѣли. Тогда они дѣйствительно будутъ жить для своихъ пасомыхъ, ради ихъ временнаго и вѣчнаго блага. Призываю духовенство на этотъ трудъ и благословляю его на этотъ пастырскій подвигъ“.

(Церков. Вѣстн. 1905 г. № 15).

Лицо есть зеркало души.

Итальянецъ—художникъ искалъ натурщика, чтобы нарисовать съ него голову свѣтлаго ангела. Однажды ходя по улицѣ, онъ примѣтилъ ребенка невиданной зрелости, съ лицомъ прекраснымъ и вроткимъ и съ бѣлокурными кудрями на головѣ. Онъ пошелъ за ребенкомъ къ родителямъ, и они дозволили рисовать ангела съ головки своего сына. Когда картина была готова и выставлена въ мастерской художника, то многіе приходили любоваться свѣтлымъ и благо-

ственнымъ ликомъ вѣстника Божія. Когда самъ художникъ въ состояніи раздраженія взглядывалъ на картину ангела, то распрямлялись морщины на челѣ его и онъ успокаивался. Одного ему хотѣлось, — рядомъ съ ангеломъ свѣта поставить духъ тьмы, ради противоположности добра и зла, неба и ада. Но болѣе десяти лѣтъ ему не удавалось подыскать человѣка, котораго лицо было бы достаточно ужасно и отвратительно для изображенія духа тьмы. Наконецъ, въ одномъ городѣ онъ примѣтилъ молодого человѣка, лицо котораго отображало грязную, низкую и неисправимо злобную душу. «Вотъ единственный образчикъ!» — вослѣдовалъ художникъ и срисовалъ голову молодого преступника. Когда эта голова была поставлена рядомъ съ головой ангела, то большей противоположности невозможно было и представить. Насколько одинъ портретъ отталкивалъ, настолько другой привлекалъ.

И каково же было удивленіе художника, когда онъ, дознаваясь о происхожденіи молодого преступника, узналъ, что этотъ преступникъ тотъ самый ангелоподобный ребенокъ, съ котораго онъ лѣтъ пятнадцать назадъ рисовалъ голову ангела!

Что же исказило ангельское лицо ребенка въ дьявольское выраженіе взрослого юноши? Грѣхъ. Великій или малый, — онъ кладетъ свою печать на наши лица. („Отл. Хр.“ Авг. 1903 г. вѣ. 8).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Письма архимандрита Макарія Глухарева, основателя алтайской миссіи. Съ біографическимъ очеркомъ, портретами, видомъ и двумя факсимиле. Подъ редакціей Н. В. Харламповича. Казань 1905. Цѣна 3 р. Въ пользу алтайской миссіи — къ 75-ти лѣтію ея основанія.

Имя архим. Макарія Глухарева (1792—1847), основателя и перваго начальника алтайской миссіи, знакомое вообще тѣмъ, кто интересуется вопросомъ о распространеніи христіанства въ русской церкви, особенно извѣстно Казанскимъ миссіонерамъ. Въ Казани на склонѣ лѣтъ своихъ архим. Макарій слушалъ университетскіе курсы татарскаго

и монгольского языковъ и естественныхъ наукъ (1810). Въ Казани работалъ другой „апостолъ языковъ“ Н. И. Ильминскій, глубоко чтившій „великаго“, „блаженнаго“, „приснопамятнаго о. Макарія“. Въ Казани скончался и другой почитатель и преемникъ служенія архим. Макарія, архіеп. Владимиръ († 1897). Оставшееся послѣ смерти владыки бумажное наслѣдіе и дало толчокъ къ изданію книги, заглавіе которой выписано выше.

Въ составъ настоящаго, четвертаго по счету, изданія „Писемъ архим. Макарія Глухарева“ вошло 305 №№. Изъ нихъ 93 напечатаны впервые по оригиналамъ или копіямъ съ нихъ, сохранившимся въ бумагахъ архіеп. Владимира, находящихся нынѣ въ бібліотекѣ Казанской духовной семинаріи. Еще полсотни другихъ подлинныхъ писемъ о Макарія дали возможность исправить и дополнить изданныя раньше письма. Остальные номера воспроизводятъ напечатанное въ двухъ первыхъ изданіяхъ (1851 и 1860) а также въ разныхъ журналахъ, духовныхъ и свѣтскихъ.

Изданныя нынѣ письма архим. Макарія адресованы 64 лицамъ и учрежденіямъ и представляютъ разнообразный интересъ. Много найдетъ въ нихъ фактовъ и мыслей миссіонеръ. Немало дадутъ они и для исторіи перевода Библии на русскій языкъ. Заинтересуется письмами психологъ и историкъ монашества, предъ которыми чтеніе писемъ развернетъ картину внутренняго возрастанія архим. Макарія отъ его дѣтства и до послѣднихъ дней жизни, — картину его борьбы съ низшими влеченіями организма и съ его слабостями и постепенныя возвышенія до богоподобія. Не разочаруетъ, наконецъ книга и того, кто будетъ искать въ ней просто назидательнаго чтенія. Множество объясненій, и притомъ довольно оригинальныхъ, отдѣльныхъ мѣстъ свѣщ. писанія, разсужденій нравственно-аскетическаго характера, уроковъ благочестивой жизни, — дадутъ богатую пищу уму и чувству читателя.

Текстъ писемъ, занимающихъ 537 страницъ убористаго шрифта предваряется довольно обширнымъ (64 стр.) біографическимъ очеркомъ архим. Макарія и перечнемъ напечатаннаго о немъ и сопровождается указателемъ личныхъ именъ, хронологическимъ указателемъ писемъ и указателемъ глав-

ныхъ предметовъ содержанія ихъ. Изданіе украшено цинкографическими портретами самого архим. Макарія и его корреспондентовъ и друзей—м. Филарета Московскаго, архіеп. Іова Потемкина, екатеринославскаго, еп. Афанасія томскаго († 1868 г. въ Казани), Д. Т. и Гр. Т. Мизковъ, Е. Θ. Непряхиной, протоіереевъ Н. Д. Лаврова, и С. В. Ландышева, а также снимковъ съ группы алтайскихъ миссіонеровъ 1880 г. (на ней на первомъ планѣ еп. Владиміръ, послѣ Казанскій, и игум. Макарій, нынѣ Томскій владыка, тоже извѣстный Казани), видомъ с. Удалы, долго бывшаго центральнымъ пунктомъ, миссіи и двумя факсимиле почерковъ о. Макарія.

Имѣя въ виду все сказанное, Редакція Извѣстій по Казанской епархіи можетъ рекомендовать вышеуказанное изданіе, какъ весьма полезное и даже необходимое особенно для миссіонерскихъ и церковныхъ бібліотекъ.

Книгу можно выписывать чрезъ Редакцію „Извѣстій по Казанской Епархіи“ и ж. „Православный Собесѣдникъ“.

СОДЕРЖАНІЕ.

Официальный отдѣлъ. Высочайшая благодарность. 537. Указъ о прекращеніи отпуска учебныхъ книгъ на счетъ духовно-учебнаго капитала въ духовныя училища. 538. Распоряженія Епархіальнаго начальства. 539. Свободныя мѣста. 539.

Неофициальный отдѣлъ. Начало зла въ мірѣ.—Сущность грѣхонаде-
нія. Богъ не виновникъ зла. 540. Заключительная рѣчь руководителя по
окончаніи бесѣдъ со старообрядцами. Проф. Н. И. Ивановскаго. 550. Дозво-
лительно ли пастырямъ церкви получать плату за свой трудъ? 562.
Извѣстия и Заметки. Кіевское пастырское собраніе 15 февр. 1905 г. 564.
Лицо есть зеркало души. 565. *Библиографія.* Письма архим. Макарія Глу-
харева подъ ред. К. В. Харламповича. Казань. Ц. 3 р. 566.

Редакторъ **И. Покровскій.**

Печатать дозволяется. Казань 17 мая 1905 г.

И. д. Ректора академіи Инспекторъ академіи протоіерей
Н. Виноградовъ.

Типо-литографія Императорскаго Университета.